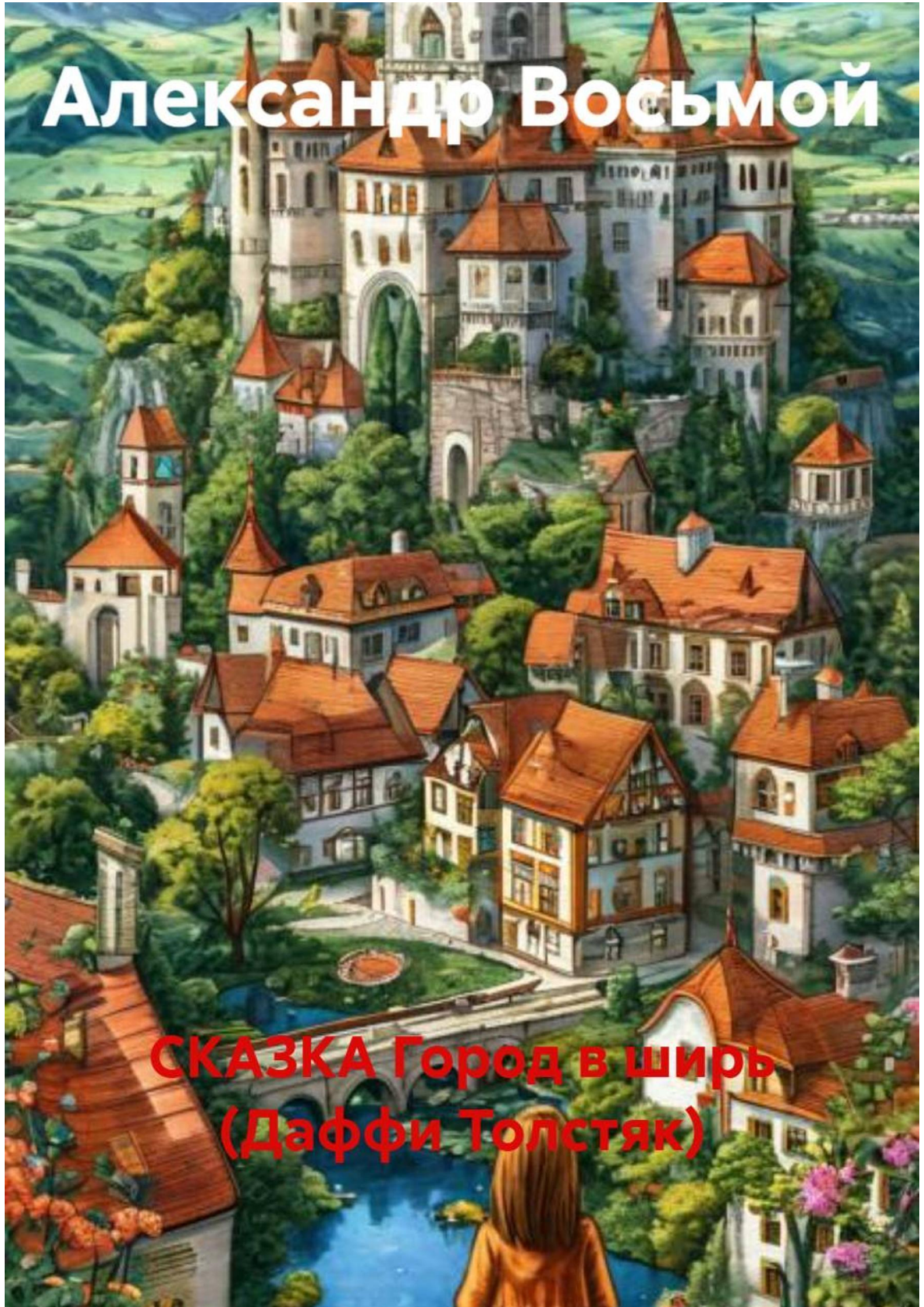

Александр Восьмой

СКАЗКА Город в ширь
(Даффи Толстяк)

Александр Восьмой

СКАЗКА Город в ширь
(Даффи Толстяк)

«Автор»

2026

Восьмой А.

СКАЗКА Город в ширь (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Город Вершина всегда строил башни всё выше, но однажды мудрая девочка Лия замечает: чем выше башни, тем меньше в них жизни. Она предлагает измерять успех не высотой, а тем, сколько людей сыты, обуты и заняты делом. Вместе с жителями она учится считать «счастье на душу населения» и понимает, что процветание — это не только цифры, но и распределение благ. Сказка про экономический рост, ВВП, неравенство и устойчивое развитие — в декорациях волшебного города.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

СКАЗКА Город в ширь (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Башня, которая не хотела расти»

Солнце садилось за горизонт, и длинные тени от башен ложились на город Вершина, словно строгие пальцы, прижимающие улицы к земле. Всё в этом городе было устроено так, чтобы тянуться вверх: дома упирались шпилями в облака, вывески магазинов висели так высоко, что читать их приходилось, запрокинув голову, а даже деревья в редких скверах садовники подвязывали к кольям, заставляя расти строго вертикально.

Лия стояла у подножия Главной Башни — той самой, что считалась гордостью города. Её построили из серого камня, который в полдень сверкал, как сталь, а на закате становился тёмно-фиолетовым, будто впитавшим в себя усталость дня. Лия приложила ладонь к шершавой стене и вдруг услышала тихий, глубокий звук — не треск, не скрежет, а скорее усталый вздох.

— Я устал держать небо, — прошептал камень.

Лия вздрогнула. Она привыкла, что камни молчат. Но этот голос был не злым, а бесконечно печальным, будто старый стражник, который веками стоял на посту и наконец признался, что у него болят ноги.

Девочка подняла глаза. Башня взмывала ввысь, теряясь где-то в облаках. Казалось, она хотела достать до звёзд, но при этом словно давила на сам город, заставляя его съёживаться. Лия огляделась. Переулок рядом с башней был почти пустым. Когда-то здесь пахло свежим хлебом — в маленькой пекарне тётушки Марты каждое утро румянились булки с корицей. Теперь ставни были закрыты, а на двери висел тяжёлый замок, покрытый ржавчиной, как шрамом от старой обиды. Дальше, у поворота, раньше сидел сапожник дядя Грег: он стучал молотком, напевал себе под нос и всегда угощал Лию яблоком, если она задерживалась посмотреть, как он чинит сапоги. Теперь на его месте лежала груда старых подошв и потрёпанный молоток, будто забытые части чьей-то жизни.

А дети... Раньше они бегали по этим улицам, играли в догонялки между бочками и ящиками, кричали, смеялись, и их голоса звенели, как колокольчики. Теперь переулки стали тихими, слишком тихими. Иногда Лия встречала кого-то из ребят, но они шли быстро, опустив головы, будто боялись, что их заметят и отправят помогать взрослым строить ещё одну башню.

В самом городе, казалось, тоже стало меньше воздуха. Улицы сузились, зажатые между высокими стенами, и ветер, который раньше свободно гулял по Вершине, теперь метался, как пленник, не находя выхода. Даже птицы, которые когда-то садились на карнизы и щебетали, теперь облетали центр города стороной, предпочитая окраины, где дома были ниже, а небо — ближе.

Лия снова прижала ладонь к стене. Камень молчал, но его усталость всё ещё чувствовалась в холоде, проникавшем сквозь пальцы. Девочка нахмурилась. Все в городе гордились высотой башен. На ежегодном Празднике Вершин старейшины торжественно объявляли: «В этом году мы выросли на три этажа!» — и люди хлопали, улыбались, будто это было самое важное достижение. Но глядя на пустые окна, на закрытые двери, на тишину, которая стала слишком громкой, Лия вдруг поняла: что-то здесь не так.

Она медленно отошла от башни и остановилась на перекрёстке, где когда-то тётушка Марта ставила свой столик с горячими булочками. Теперь здесь лежала только одинокая сухая ветка, принесённая ветром. Лия посмотрела вверх, на бесконечную высоту, и затем — вниз, на пустую улицу. И тогда она произнесла вслух вопрос, который давно крутился у неё в голове, но который никто в городе не решался задать:

— А что, если рост — это не только вверх?

Слова прозвучали тихо, почти шёпотом, но в этой тишине они прозвенели, как удар колокола. Лия сама удивилась своей смелости. Она оглянулась, будто ожидая, что кто-то строго скажет ей: «Не говори глупостей, высота — это наша сила!» Но никто не сказал. Только ветер, наконец-то нашедший щель между домами, тихо прошелестел в ответ.

С этого момента что-то в Лии изменилось. Она начала замечать то, на что раньше не обращала внимания. Она видела, как старик у колодца медленно крутит ручку, потому что сил у него уже мало, а помочь некому. Видела, как молодая женщина несёт корзину с овощами, и плечи её опущены от тяжести. Видела пустые лавки и закрытые мастерские, и каждый раз, проходя мимо, чувствовала, как в груди сжимается что-то горькое и непонятное.

Однажды вечером Лия сидела на ступеньках старого амбара и смотрела, как закат раскрашивает небо в тёплые цвета, совсем не похожие на холодные оттенки городских башен. К ней подошёл старый мастер Элиас, который когда-то помогал строить эти самые башни, но теперь редко выходил из своей мастерской на окраине. Он сел рядом, положил на колени свои грубые, покрытые шрамами руки и вздохнул.

— Ты всё смотришь на башни, девочка, — сказал он мягко. — И всё чаще хмуришься. Что тревожит твоё сердце?

Лия поколебалась, но потом решилась:

— Мне кажется... нам не нужно строить всё выше. Нам нужно, чтобы в городе снова было больше жизни. Чтобы пекарня открылась, чтобы сапожник вернулся, чтобы дети снова смеялись. Разве это не важнее, чем ещё один этаж?

Мастер Элиас долго молчал, глядя на угасающий свет. Потом он кивнул, будто подтверждая что-то, давно известное ему одному.

— Знаешь, когда мы начинали строить эти башни, мы думали, что высота — это сила. Мы хотели дотянуться до неба, показать, что мы чего-то стоим. Но со временем... со временем мы забыли, зачем вообще строим. Мы так старались подняться выше, что перестали смотреть под ноги. А там, внизу, живут люди. И им нужно не небо, а хлеб, и крыша над головой, и место, где можно просто посидеть и поговорить.

Он посмотрел на Лию, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на надежду.

— Ты задала правильный вопрос, Лия. И, может быть, именно ты поможешь нам вспомнить, что настоящее процветание — это не когда город царапает небо, а когда в каждом доме горит свет, и в каждом сердце живёт радость.

Лия улыбнулась, впервые за долгое время чувствуя, что она не одна в своих сомнениях. Она посмотрела на город: на высокие башни, которые казались теперь не столько величественными, сколько тяжёлыми, на тихие улицы, ждущие, когда их снова наполнят голоса, на небо, которое было одинаково доступно и тем, кто жил на первом этаже, и тем, кто забирался на самый верх.

И она поняла: пора менять правила игры. Пора учиться измерять успех не в этажах, а в улыбках, не в высоте стен, а в тепле домов. Пора строить не только вверх, но и вширь — так, чтобы город рос вместе со своими жителями, а не над ними.

Глава 2. «Рынок, где торгуют улыбками»

Старый рынок Вершины жил своей особой жизнью — не такой, как в центре, где всё было строго, по правилам и с табличками «Цена указана». Здесь воздух пах не только пряностями и яблоками, но и историями: у каждого прилавка была своя, и если постоять подольше, она сама начинала шептаться с тобой.

Лия шла между рядами, касаясь пальцами грубых деревянных ящиков, вдыхая запахи, которые будто хранили в себе целые дни: тёплый дух свежееиспечённого хлеба, терпкость сушё-

ных трав, сладковатую пыльцу мёда. Но сегодня что-то было иначе. На привычных местах не хватало знакомых лиц. Прилавок тётушки Марты всё ещё пустовал, а у лотка с глиняными чашками теперь стоял не старый гончар, а его внук — мальчик лет двенадцати, который всё время оглядывался, будто ждал, что кто-то скажет ему, как правильно расставлять товар.

И вдруг Лия остановилась. На самом краю рынка, там, где ряды уже почти растворились в тени домов, стоял прилавок, которого раньше не было. Он выглядел странно: на нём не лежало ни хлеба, ни тканей, ни горшков. Вместо товаров там стояли деревянные коробочки с прорезями, а над ними висела выцветшая табличка с надписью, сделанной аккуратным, но немного дрожащим почерком: «Улыбки за добрые дела».

За прилавком стоял невысокий человек с седыми висками и глазами, в которых пряталась тихая улыбка. Его звали дядя Тео. Он не был похож на обычных торговцев: не кричал, не зазывал, не размахивал руками. Он просто стоял, будто знал, что те, кому нужно, сами подойдут.

— Что это за товар такой — улыбки? — спросила Лия, подходя ближе.

Дядя Тео наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то важному, и ответил:

— Улыбка — это не товар, девочка. Это плата. И получают её не за монеты, а за то, что ты сделал для другого.

Лия нахмурилась, не понимая.

— Как это?

— Вот смотри, — дядя Тео взял одну из коробочек и открыл её. Внутри лежали маленькие деревянные жетоны, на которых были вырезаны разные символы: чашка, сердце, рука, солнце. — Если ты помогла кому-то донести тяжёлую корзину — получаешь жетон с чашкой. Если подбодрила того, кто грустил — жетон с сердцем. Если просто выслушала, когда человеку нужно было выговориться — жетон с рукой. А когда у тебя набирается достаточно жетонов, ты можешь прийти сюда и «купить» улыбку. Не настоящую, конечно, а... ну, скажем, маленькое чудо, которое делает день светлее.

Лия всё ещё не понимала.

— Но зачем? Разве улыбка не появляется сама?

Дядя Тео улыбнулся чуть шире, и в его улыбке было столько тепла, что даже тени вокруг прилавка будто отступили.

— Сама — да. Но иногда людям трудно её найти. А если знаешь, что кто-то заметил твою доброту, что она чего-то стоит — даже если не в монетах, — становится легче улыбаться снова. Это как огонь: если бросить в него сухую ветку, он разгорится. А если ничего не бросать — погаснет.

Лия задумалась. Она вспомнила, как вчера помогла старушке донести сумку до дома, как сегодня утром поделилась яблоком с тем самым мальчиком-гончаром, как вечером посидела рядом с одиноким стариком у колодца, просто слушая его тихие воспоминания. Она не думала, что это что-то значит. Не ждала за это ни похвалы, ни награды. Но теперь слова дяди Тео заставили её посмотреть на эти поступки иначе.

— А что можно «купить» на эти жетоны? — спросила она.

— Всё, что делает город теплее, — ответил дядя Тео. — Чашку горячего чая от доброй хозяйки, которая сегодня особенно щедра. Совет от старого мастера, который знает тысячу секретов. Помощь от сильного парня, который не пройдёт мимо, если у тебя сломалась тележка. Или просто место у костра в холодный вечер, где все друг друга знают и никто не чувствует себя чужим.

Лия вдруг поняла: это и есть невидимая экономика. Не та, что записывается в толстые книги с цифрами, а та, что живёт в поступках, в словах, в тихих «спасибо» и в тёплых взглядах. Экономика доверия. Экономика заботы.

В этот момент к прилавку подошла женщина с усталыми глазами и опущенными плечами. Она протянула дяде Тео жетон с изображением руки.

— Мне бы немного тепла, — тихо сказала она. — День был тяжёлый.

Дядя Тео кивнул, будто понимал всё без слов, и достал из-под прилавка маленькую глиняную чашку, ещё тёплую, будто только что вынутую из печи.

— Держи. Это не просто чай. Это — «спасибо» от всех, кто видел, как ты сегодня помогала.

Женщина взяла чашку, и её пальцы дрогнули. Она поднесла её к лицу, вдохнула аромат, и вдруг её глаза наполнились чем-то, что было сильнее усталости. Это было облегчение. Признание. Чувство, что ты не один.

Лия смотрела на это и чувствовала, как внутри неё что-то щёлкает, вставая на место. Она поняла: ценность — это не только то, что можно потрогать или продать. Ценность — это когда твой поступок делает чей-то день хоть чуточку лучше. И если собрать все эти «чуточку», они складываются в нечто огромное — в тепло целого города.

С этого дня Лия стала замечать невидимую экономику повсюду. Она видела, как сосед чинит забор другому соседу не за деньги, а потому что «так правильно». Как дети собирают яблоки и несут их тем, у кого нет сада. Как старики сидят на скамейках и рассказывают истории, и эти истории становятся чем-то вроде денег — они покупают внимание, уважение, чувство принадлежности.

Однажды вечером, когда солнце садилось, окрашивая крыши в золотой цвет, Лия снова пришла к дяде Тео. Она протянула ему несколько жетонов — те, что успела собрать за неделю.

— Я не хочу ничего «покупать», — сказала она. — Я хочу, чтобы ты положил их в общую коробочку. Пусть они помогут кому-то другому.

Дядя Тео посмотрел на неё долго, внимательно, а потом улыбнулся — той самой улыбкой, которая не продаётся ни за какие монеты.

— Знаешь, Лия, — сказал он тихо, — ты только что сделала самое важное. Ты поняла, что настоящая ценность — не в том, чтобы копить, а в том, чтобы делиться. И когда люди это понимают, город становится крепче любой башни.

Лия кивнула. Она смотрела на старый рынок, на людей, которые ходили между прилавками, разговаривали, смеялись, помогали друг другу — и видела теперь не просто торговцев и покупателей, а целую сеть связей, тонких, но прочных, как паутина, которая держит небо.

И она поняла: процветание — это не только высокие башни и толстые кошельки. Это когда каждый знает, что его доброта чего-то стоит. Когда улыбка — не редкость, а валюта, которой все готовы делиться. Когда город держится не на камне, а на взаимности.

Глава 3. «Весы, которые взвешивают счастье»

Древняя библиотека Вершины пахла пылью веков и тишиной, которая была не пустой, а наполненной словами — будто каждая книга хранила в себе чей-то голос, и если постоять достаточно тихо, можно было услышать, как они перешёптываются между собой. Лия спускалась по каменной лестнице в подвал, держа в руке маленький фонарь, чей свет дрожал, как испуганное сердце, и отбрасывал на стены причудливые тени, похожие на танцующих духов знаний.

Подвал был местом, куда редко кто заглядывал. Старейшины говорили, что там хранятся не просто книги, а «память города» — старые свитки, дневники, письма, в которых были записаны не только даты и события, но и чувства: радость от первого урожая, горечь от утраты, надежда, которая не угасала даже в самые тёмные времена.

Лия шла медленно, прислушиваясь к скрипу ступеней и к тому, как меняется воздух — внизу он был прохладнее, гуще, будто впитал в себя все тайны, которые когда-либо шептали в этих стенах. И вдруг она увидела их.

В самом дальнем углу, за тяжёлой бархатной занавесью, стояли весы. Не обычные, какие можно встретить на рынке, а старинные, с изящными узорами, выточенными из тёмного дерева, и чашами из полупрозрачного камня, который мерцал, словно в нём застыли осколки луны. На одной чаше лежало золото — тяжёлые монеты, отчеканенные с гордостью и точностью, холодные и блестящие, как обещания, которые легко даются, но трудно исполняются. На другой чаше... ничего. Но стоило Лие подойти ближе, как в пустоте начали проявляться очертания — не предметы, а что-то неуловимое: тени эмоций, отголоски воспоминаний, мерцание мгновений.

— Что это? — прошептала Лия, будто боялась спугнуть хрупкое волшебство.

Из тени вышел хранитель подвала — старик с глазами, похожими на два глубоких колодца, в которых отражалось всё, что он когда-либо видел. Его звали мастер Арден, и говорили, что он помнит даже те дни, когда город был не городом, а маленькой деревней, прижавшейся к склону холма.

— Это весы, которые взвешивают счастье, — тихо сказал он. — Они показывают, что в мире есть вещи, которые нельзя измерить одной мерой.

Лия нахмурилась.

— Но на одной чаше золото, а на другой — пустота. Как можно взвешивать то, чего нет?

Мастер Арден улыбнулся — не весело, а с той грустной мудростью, которая приходит с годами.

— Смотри внимательнее.

Он протянул руку и положил на пустую чашу не предмет, а... историю. Лия не сразу поняла, что это было: не свиток, не письмо, а скорее воспоминание, которое мастер Арден бережно извлёк из своей памяти и положил на чашу. И вдруг чаша наполнилась светом — мягким, тёплым, золотисто-розовым, как рассвет над спокойным морем. Свет не был ярким, он не слепил, а согревал, и Лия почувствовала, как внутри неё что-то отзывается на это тепло.

Но золото всё равно перевешивало. Чаша с монетами медленно опускалась вниз, а чаша со светом оставалась выше, будто её содержимое было невесомым, но бесконечно ценным.

— Почему так? — спросила Лия, чувствуя, как в груди сжимается что-то горькое. — Разве история, воспоминание, чувство — не так же важны, как золото?

Мастер Арден вздохнул.

— Важны. Но их ценность не в весе, а в свете. Золото можно пересчитать, его можно сложить в сундуки, его можно показать и сказать: «Смотри, сколько у нас есть». А свет... его нельзя сложить, нельзя спрятать, нельзя показать как доказательство богатства. Но без него мир становится холодным, даже если в нём полно золота.

Лия смотрела на весы, и в её голове начинали складываться кусочки головоломки. Она вспомнила тихие переулки, пустые лавки, усталые глаза людей. Она вспомнила улыбки, которые раздавал дядя Тео на рынке, и поняла: в городе ценили золото, но забывали о свете.

— А можно... можно положить на чашу что-то ещё? — спросила она.

Мастер Арден кивнул.

— Конечно. Всё, что делает жизнь светлее, имеет здесь свой вес. Доброе слово. Помощь в трудную минуту. Радость от того, что у соседа хороший урожай. Даже просто тихий вечер у костра, когда все вместе.

И Лия начала собирать эти «световые» вещи. Она принесла воспоминание о том, как помогла старушке донести сумку, и чаша чуть дрогнула, наполняясь мягким сиянием. Она добавила историю о том, как дети смеялись, играя в догонялки, и свет стал ярче. Она положила туда чувство облегчения, которое испытала женщина, получившая чашку чая от дяди Тео, и чаша задрожала, будто хотела подняться выше.

Но золото всё ещё перевешивало.

Лия задумалась. Она посмотрела на монеты — холодные, тяжёлые, безжизненные. И вдруг ей пришла в голову идея.

— А что, если... что, если мы будем считать не только золото, но и свет? — сказала она. — Что, если мы создадим свой собственный способ измерять, насколько город счастлив?

Мастер Арден посмотрел на неё с интересом.

— Ты хочешь создать «индекс радости»?

Лия кивнула, чувствуя, как внутри разгорается огонёк решимости.

— Да. Мы будем записывать не только сколько монет у города, но и сколько улыбок, сколько добрых дел, сколько вечеров, когда люди сидели вместе и чувствовали себя частью чего-то большего. Мы будем считать счастье не в золоте, а в свете.

Мастер Арден улыбнулся, и на этот раз в его улыбке было больше надежды, чем грусти.

— Знаешь, Лия, — сказал он тихо, — иногда самые важные открытия начинаются с простого вопроса: «А что, если?»

С этого дня Лия начала вести свой собственный дневник — не о цифрах и монетах, а о мгновениях, которые делали город светлее. Она записывала, сколько раз люди улыбались, сколько раз помогали друг другу, сколько вечеров проводили вместе. Она называла это «индексом радости». И хотя поначалу многие смотрели на неё с недоумением — «Как можно считать улыбки?» — со временем они начали замечать, что когда они думают о счастье не как о золоте, а как о свете, город становится теплее.

Однажды вечером, когда солнце садилось, окрашивая небо в цвета спелых персиков и лаванды, Лия снова пришла к весам. На чашу с золотом она ничего не добавляла — оно и так было тяжёлым, почти неподвижным. А на другую чашу она положила все свои записи — страницы, исписанные аккуратным почерком, полные историй о добрых делах, тихих радостях и простых чудесах. И вдруг чаша со светом начала медленно подниматься. Не потому что золото стало легче, а потому что свет стал ярче — настолько ярким, что его уже нельзя было игнорировать.

Весы замерли в равновесии. Не идеальном, не окончательном, а живом, дышащем, как сам город. И Лия поняла: счастье нельзя измерить одной мерой, но можно научиться видеть его во всём — в золоте и в свете, в цифрах и в чувствах, в том, что можно потрогать, и в том, что живёт в сердцах.

Глава 4. «Река, которая не любит плотины»

Река Серебрянка текла сквозь Вершину так давно, что казалось — она помнит даже те времена, когда на месте города шумел дикий лес. Её воды были прозрачными, как стекло, и холодными, как утренний воздух, а по берегам росли ивы, чьи ветви склонялись к воде, будто хотели шепнуть ей свои секреты. Для жителей Вершины река была не просто водой — она была жизнью: по ней плыли лодки с зерном и рыбой, её вода поила поля, её течение крутило колёса мельниц, а в её глубинах пряталась рыба, которая по воскресеньям появлялась на столах почти в каждом доме.

Но в последнее время река стала меняться. Купцы, желая лучше контролировать торговлю, начали строить плотины — одну за другой, как каменные стены поперёк её пути. Они говорили, что это нужно для порядка: чтобы товары не терялись в потоке, чтобы пошлины собирались честно, чтобы никто не мог проскользнуть мимо городских ворот незамеченным. Сначала плотины были небольшими — просто деревянные щиты, которые можно было поднять, если вода поднималась слишком высоко. Но постепенно они становились всё массивнее, всё крепче, всё неприступнее. Камень ложился на камень, железо скрепляло дерево, и река, которая веками текла свободно, вдруг оказалась запертой в узких коридорах, словно пленница в каменном лабиринте.

Лия пришла к реке ранним утром, когда солнце только начинало золотить верхушки башен, и увидела то, что раньше не замечала. Вода у плотины стояла неподвижно, мутная и тяжёлая, будто уставшая от борьбы. Там, где раньше течение было быстрым и чистым, теперь плавали листья и ветки, застрявшие в щелях между брёвнами. Дальше, за плотиной, вода уходила в сторону, пробираясь по узким протокам, которые быстро превращались в топкие болота. Воздух над ними был густым и влажным, пахнувшим тиной и гнилью, и даже птицы, которые раньше садились на воду, теперь облетали эти места стороной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.